

АЛЕКСАНДР ФИЛИПPOB

Профессор НИУ ВШЭ, Москва

К динамике учредительной власти

События в Беларуси лишь самым общим образом могут быть описаны в терминах, которые стали общепринятыми в политической науке и текущей аналитике. Мне представляется, что они не могут и не должны пониматься как уникальные, выпадающие из всех возможных рядов. Скорее, речь идет о движении — более или менее заметном в разных странах — к автономизации политической власти, то есть о принятии суверенных, независимых ни от внутренних, ни от международных норм решений, которые разрушают механизмы, основанные на старой нормативности. Нет сомнения в том, что понятие авторитаризма все еще предполагает здесь достаточно пригодный язык описаний, и, строго говоря, все происходящее с большей или меньшей степенью надежности можно понимать как одну из стадий в трансформациях авторитарного правления. Однако с точки зрения политической философии, мы, возможно, переживаем сейчас переломный момент, когда выбор иного, причем не более нового, а более старого, языка оказывается столь же продуктивным. Если мы откажемся от попыток (все еще нередких) связать проблематику авторитаризма и концепцию модернизации, мы утратим часть оптимизма, но приобретем более адекватную теоретическую оптику.

В этой перспективе я предлагаю посмотреть на происходящее как на кризис, сопровождающийся манифестацией *учредительной власти*. Он продлится дольше и разрешится иначе, чем обычным образом представляемый исход борьбы народа против тирана или временная остановка на пути модернизации, которой авторитарное правление может способствовать на первоначальных этапах, но потом все равно начнет ее тормозить и будет сметено ею в итоге. В образцовом рассказе о борьбе против тирана народ может, правда, потерпеть временное поражение, однако самим ходом истории обречен на победу. Власть, лишенная опоры, то есть поддержки народа и, следовательно, легитимности, не имеет исторических шансов удержаться. Это старая риторика

революции: если источником власти является народ, то и вернуть ее себе, отняв у тирана, может лишь народ. Говорить от имени народа, не представляя его, может лишь узурпатор и, невзирая на продолжительность его правления, временщик. С точки зрения разума, его правление «поставлено на ничто», является временным триумфом голой силы.

Этот рассказ о народе и узурпаторе существует во множестве вариантов, и, в общем, наименее удовлетворительны из них те, в которых смешаны две разные традиции. В одной из них народ остается одним и тем же единством, цельным, подобным организму (или симбиозу нескольких организмов) существом, которое готово принять властителя, но может и отринуть его. В республиканской политической философии Макиавелли показано трудное положение правителя, вынужденного ради сохранения власти опираться на одну часть народа против другой. Разумеется, правителю не гарантирован успех, а народ, призвав его или изгнав, действует заодно с Фортуной или против нее, побеждает врагов или гибнет. Так понимаемый народ в Новое время надолго исчезает из политической философии, чтобы возродиться, изменившись до неузнаваемости, в романтических версиях философии истории. Совсем другую традицию представляет концепция общественного договора, в русле которой и появляется идея учредительной власти. На ней нам придется остановиться чуть подробнее, потому что именно здесь появляются идеи, приведшие к пониманию принципиальной опасности, разрушимости любого политического строя, каким бы прочным он ни казался.

Европейские мыслители Нового времени столкнулись с тем, что много позже в социологии было названо «проблемой Гоббса». Она состоит в том, что естественным образом разумный человек может понять вечные законы права и справедливости, но следовать им не станет, если не договорится с другими людьми. Как возможно общество? Как возможен политический порядок? Сжатый ответ всем известен: через договор. Общественный договор означает преобразование разрозненного множества людей в народ, который, таким образом, *учреждает* свое политическое состояние. Он обретает коллективную мощь. Но что происходит потом? Гоббс считал, что сам по себе народ не сохранится, он должен передать власть суверену, *авторизовать* его. Это значит, что больше у него этой власти нет и новые действия учредительной власти невозможны и незаконны. Суверену и подданным достаточно того, что они получают защиту, а он — повиновение. Так изобретается формула полицейского государства.

Иначе подошел к этому вопросу младший современник Гоббса Спиноза. Сохраняя идею договора, он попытался совместить понятие о высшей власти как соединенной мощи подданных с идеей добровольного согласия, которое невозможно обеспечить ника-

ким принуждением. Сила государства производится солидарным действием, а это возможно, когда каждый решает не просто подчиниться, но свободно и разумно соучаствовать в поддержании коллективной мощи и верховной власти. Повиновение злым и неразумным властям возможно, но государство не держится одним повиновением, и подданные сохраняют за собой достаточно прав, чтобы при определенных обстоятельствах снова стать учредительной силой.

Менее чем через столетие после Спинозы Жан-Жак Руссо в трактате «Об общественном договоре» представил эту точку зрения еще более радикально. При учреждении государства человек теряет естественную свободу и обретает гражданскую. Но соединенная мощь граждан не может быть подвергнута отчуждению, ее нельзя репрезентировать. Все отделенные от народа властители являются узурпаторами. Народ — это организм, обладающий особым рода способностью — «всеобщей волей». Она занята исключительно важнейшими делами, которые имеют конститутивное значение для существования народного единства. Но это значит, что она, по идее, постоянно активна, она не желает знать ограничений, в том числе и тех, что могут быть наложены ею самой. По сути дела, общественным договором учреждается не стабильное, веками продолжающее существовать по одним и тем же законам государство, но состояние перманентной революции. Сам Руссо был более умеренным, чем его последователи времен Французской революции. Традиционно считается (хотя и оспаривается в последнее время), что выдающийся деятель революции Ж. Сийес, в частности, опираясь на идеи Руссо, придумал концепцию учредительного собрания, которое закладывает основы конституционного строя, не будучи связано ни предшествующими законами, ни необходимостью и впредь заниматься рутинным законодательством. Фактически Сийес начинал с менее радикальных предложений, у него, среди прочего, было предложение считать источником формирования собрания не только народ, но и короля, высшего единоличного правителя. Политико-философское значение его идей огромно, потому что он, в отличие от Руссо, постоянно, так сказать, заглядывает в бездну, в ту изначальную спонтанность, которой порождается действующая власть и которая эту власть может переназначить, снести и переучредить. Мы вспоминаем о Сийесе в преддверии кризиса легальности, который поражает многие современные политики.

Кризис легальности состоит в том, что, опираясь на действующий закон и практику его применения, можно вводить все новые и новые нормы и меры, которые делают политическую систему неуязвимой. Создание закона, интерпретация закона и применения закона находятся, строго по Гоббсу, в одних и тех же руках. Но только у Гоббса предполагалось, что народ опознает себя как

единство в лице суверена, а развитая система легального принуждения обращает все меньше внимания на спонтанность народного правосознания.

Вот это и составляет предмет современной озабоченности. Я попытаюсь вкратце показать это, указав на родство демократии и диктатуры. Разумеется, здесь точкой отсчета выступает концепция диктатуры Карла Шмитта, однако ее надо, так сказать, вывернуть наизнанку. Шмитт глубоко изучил сочинения Руссо и Сийеса, когда писал свой основополагающий труд «Диктатура» (1920). Здесь он провел различие между диктатурой комиссарской и суверенной. И та, и другая являются отрицанием действующего права. Но в первом случае диктатура вводится по поручению суверена, в ограниченных объемах, на ограниченное время, ради восстановления и сохранения того порядка, который в отдельных аспектах нарушает. Суверенная диктатура — это полное отрицание действующего правопорядка, замена его новым, который с правовой точки зрения рождается из ничего. Шмитт был настроен против демократии, в ее конститутивной власти он видел исток комиссарской диктатуры, которая во времена Французской революции переросла в суверенную, то есть бесконечно уничтожала как изначально существующий старый порядок, так и все прочное и надежное, что могло бы возникнуть в результате превращения законодательства в новую рутину. В вину Шмитту — и не всегда несправедливо — ставили то, что он тем самым выступил апологетом диктаторов, которые, подавляя революцию, ставят выше всего свой произвол. Современные левые интерпретаторы Шмитта говорят, что само описание конститутивной власти как низовой стихии здесь важнее консервативной апологии порядка и поиска сил, способных его создать.

Современный кризис легальности легче всего было бы объяснить тем, что силы порядка утрачивают связь с силами демократической спонтанности, которую пока еще умеют подавлять, но которой в перспективе не могут противостоять. Однако ситуация, возможно, немного сложнее. Вспомним об одной из первоначальных идей Сийеса и одновременно о концепции суверенной диктатуры Шмитта. В предложениях Сийеса король выступал одной из сил персонального конституирования порядка. В теории диктатуры Шмитта новое учреждение порядка могло удасться на пути личной репрезентации, то есть возвращения практики аккламации, демонстративного народного одобрения, не нуждающегося в либеральных процедурах для образования политического единства народа и суверена. Но есть еще и третья возможность, которая реализуется на наших глазах. Не только народная спонтанность, но и решения суверенного властителя не обязательно должны быть источником порядка. Единоличное правление — не источник предсказуемости и нормативности, а голый спонтанный

произвол, который — и в этом существе момента — наталкивается на столь же голую и непримиримую спонтанность демократической массы. Не два порядка сталкиваются между собой, не две учредительные силы, которые могут быть в согласии источником будущей рутины, но два принципа обещания будущей легальности и отрицания легальности нынешней.

Если это так, то вопрос может стоять не о том, кто и в какой мере нарушает букву и дух закона. Политическая жизнь возвращается в состояние между традициями республиканизма и омертвевшим гоббсовским порядком. Возвращение легитимной легальности (обратим внимание на то, что это перевернутая формула Макса Вебера, говорившего о легальной легитимности), то есть системы политических норм, принятой и усвоенной как правила по умолчанию, несомненно, произойдет. Но путь предстоит длинный, он ведет через кризис, который еще не достиг стадии полной манифестации, уже созревает, но еще не опознан как таковой.